

— Учитель Вэнь, то, что я плохо играю — это моя вина. Не волнуйтесь, я не собираюсь оправдываться болезнью. Я и сам презираю подобные отговорки.

Ну конечно...

Лу Циньянь так и знал: от Вэнь Цзюэ доброго слова не дождешься. Как говорится, от такой собаки не услышишь человеческой речи — это было как раз про него.

Прежде чем вернуться к репетиции, Лу Циньянь, дождавшись, пока Вэнь Цзюэ уткнется в сценарий, посмотрел на него — остро, с негодованием и неприязнью.

Затем они продолжили читку диалога, от которого Лу Циньяня буквально выворачивало.

Вэнь Цзюэ:

— Еци, со мной всё в порядке, молчи... Я сейчас же отвезу тебя в больницу!

Лу Циньянь:

— Нет... послушай... я... кажется, долго не протяну... Я должен сказать тебе это прямо сейчас...

Вэнь Цзюэ:

— Линь Еци, замолчи! Я забираю тебя отсюда!

Лу Циньянь:

— Чу... я... прости... мне не следовало... не верить тебе... не следовало...

Вэнь Цзюэ:

— Я же велел тебе молчать! Ты и раньше меня не слушал, и к чему это привело? Ты ошибался! И сейчас ты снова гнешь свою линию? Линь Еци, побереги силы, закрой рот!

— Достаточно, Учитель Вэнь, давайте пока прервемся... — Лу Циньяня пробирала дрожь — то ли от собственных слов, то ли от реплик Вэнь Цзюэ.

На бумаге это еще куда ни шло, но стоило произнести текст с выражением, как накрывала волна нестерпимого стыда.

Ему отчаянно хотелось спросить Вэнь Цзюэ, как тот сохраняет такую невозмутимость, но, поразмыслив, он вспомнил, что звание Киноимператора просто так не дают — это результат многолетней закалки.

К тому же, то ли от неловкости сцены, то ли из-за мельтешения черно-красных правок в сценарии, голова Лу Циньяня снова пошла кругом.

— Что такое? — Тот не выказал неудовольствия, напротив, он смотрел на Лу Циньяня с плохо скрываемым интересом, будто ожидал продолжения спектакля.

— Ничего... просто кажется...

— Кажется, что диалоги слишком нелепые?

Вэнь Цзюэ закончил фразу за него, подтверждая подозрения юноши: тот определенно разделял его чувства.

— Да... есть немного.

— И что теперь? Решил отказаться от сцены?

Лу Циньянь чувствовал, как раскалывается голова. Он непроизвольно коснулся лба, чувствуя, как сердце забилось чаще.

— Учитель Вэнь... я ничего такого не решал. Я буду сниматься.

Не желая выдавать свою слабость, Лу Циньянь быстро отнял руку, пытаясь сохранить невозмутимый вид. Но ему было слишком плохо: в ушах стоял навязчивый гул, а мир перед глазами начал расплываться.

— Кха-кха... — Он не удержался и зашелся в коротком сухом кашле, поспешно прикрыв рот ладонью.

Вэнь Цзюэ едва заметно нахмурился.

— Ты... в порядке? — Без колебаний Вэнь Цзюэ взял со стола бутылку минералки, которую Лу Циньянь отставил в сторону, открутил крышку и протянул ему.

Тот принял воду и сделал несколько жадных глотков. Лишь немного отдышавшись, он покачал головой:

— Всё нормально...

Из-за приступа кашля его лицо, только начавшее бледнеть, снова залило нездоровым пунцовым румянцем.

Глядя на эту странную лихорадочную красноту, Вэнь Цзюэ на мгновение замер, но он снова стал привычно безразличным.

— Тебе всё же стоит показаться врачу. Как ты собрался сниматься в таком состоянии? Вместо текста зрители услышат один твой кашель.

Лу Циньянь было решил, что в Киноимператоре наконец проснулась совесть и он проявил искреннее беспокойство, но, как обычно, он слишком хорошо о нем подумал.

— Я правда в порядке. Просто в горле пересохло. Попил — и всё прошло, съемкам я не помешаю.

— Надеюсь. Не хотелось бы из-за тебя затягивать процесс.

— Понимаю. Давайте продолжим. — Не желая тратить силы на пустые препирательства, Лу Циньянь сменил тему, возвращаясь к сценарию.

Времени оставалось в обрез, и растрачивать его впустую было непозволительной роскошью.

Однако стоило им начать, как черный туман застлал зрение Лу Циньяня. Буквы на страницах слились в одно неразборчивое пятно, а силуэт Вэнь Цзюэ превратился в расплывчатый контур.

Голова кружилась так сильно, что, попытавшись положить сценарий на стол, Лу Циньянь промахнулся, и листы с шорохом разлетелись по полу.

Вэнь Цзюэ проводил взглядом упавшую тетрадь, и в этот же миг фигура перед ним без предупреждения начала заваливаться назад.

Лу Циньянь рухнул внезапно, но Вэнь Цзюэ успел среагировать, подхватив его обмякшее тело.

Юноша беспомощно обмяк, и длинные ресницы бросили густые тени на бледные веки. Вэнь Цзюэ коснулся его лба, откинув мешавшую челку — ладонь обожгло жаром.

Этот жар заставил Вэнь Цзюэ поморщиться, и он одернул руку.

Глядя на притихшего и беззащитного Лу Циньяня, он на мгновение потерял нить реальности.

Теперь тот, утративший весь свой гонор и прежний пыл, казался совершенно чужим. С ним можно было делать что угодно, но именно это и вызывало у Вэнь Цзюэ чувство странного дискомфорта.

Прежний Лу Циньянь никогда бы не позволил себе подобной слабости.

— Что с Сяо Янь-цзы?!

Лао Ван, заметивший падение издалека, подлетел к ним в мгновение ока и засыпал Вэнь Цзюэ тревожными вопросами.

— У него жар, — коротко бросил Вэнь Цзюэ, не отрываясь глядя на потерявшего сознание юношу.

— Ну еще бы! Он с самого утра горит... Я за медиками!

Лао Ван помрачнел от досады — он злился, что Сяо Янь-цзы совершенно не бережет себя. «Вот и доигрался...» — пронеслось в голове, но он тут же взял себя в руки: сейчас было не до нравоучений.

— Иди. Я отнесу его в комнату отдыха.

Тон Вэнь Цзюэ оставался спокойным, как гладь озера, но действовал он решительно. Одним выверенным движением он подхватил Лу Циньяня на руки и быстрым шагом направился к выходу.

До комнаты отдыха было не больше двухсот метров. Вэнь Цзюэ шел стремительно.

Несмотря на легкую качку, Лу Циньянь не приходил в себя. Он бессильно обмяк на груди актера, а его рука плетью свисала вниз, мерно покачиваясь в такт шагам.

Оказавшись в комнате, Вэнь Цзюэ осторожно опустил ношу на диван.

Лу Циньянь был очень худым, и актер не почувствовал усталости, пока нес его. Напротив, в тот момент, когда он ощутил его хрупкий вес, он непроизвольно нахмурился.

Вскоре прибежал Лао Ван. Вэнь Цзюэ едва успел выпрямиться, как в дверях показался менеджер с врачом. Следом вошли режиссер Фань, Чжэн Хао и еще несколько человек из персонала.

Доктор Ли, не удостоив Вэнь Цзюэ даже взглядом, быстро прошел к дивану и опустился на

колени перед больным, раскрывая сумку.

Лао Ван застыл рядом, сжав кулаки в немом ожидании.

Режиссер Фань подошел к Вэнь Цзюэ и, тронув его за плечо, негромко спросил:

— Вэнь Цзюэ, что с Лу Циньянем? Только что ведь всё нормально было.

— Жар, — лаконично ответил тот. — Сам виноват.

— Выходит, это не просто простуда... Эх, — вздохнул Фань Вэнь. Он искренне переживал за здоровье парня, но не меньше его волновали и сроки.

Здоровье актера — дело важное, но фильм — это его жизнь, его детище, в которое вложено слишком много сил.

Врач наклеил на лоб Лу Циньяня пластырь с охлаждающим эффектом, вручил Лао Вану запасной и упаковку таблеток. Он строго наказал менеджеру раздобыть горячий имбирный отвар и напоить им парня, как только тот придет в сознание.

Кроме того, Лу Циньяню требовался покой, теплое одеяло и побольше горячей воды. Если график позволял, съемки на сегодня лучше было отменить: человеческая жизнь превыше всего.

— Да-да, конечно, я всё понял, — Лао Ван ловил каждое слово доктора Ли, судорожно кивая.

— Кто-нибудь должен остаться здесь и присмотреть за ним, — добавил врач, прежде чем уйти, обводя присутствующих взглядом.

Поскольку у большинства была работа, эта обязанность естественным образом легла на плечи Лао Вана.

Менеджер был только рад возможности остаться. Когда толпа начала рассеиваться, он придвинул маленький табурет и сел у дивана.

Обнаружив на подлокотнике сложенный плед, он заботливо укрыл им Лу Циньяня.

В комнате отдыха воцарилась тишина. Остались четверо: погруженный в забытие Лу Циньянь, Лао Ван, а также застывшие за его спиной Вэнь Цзюэ и Чжэн Хао.

В отличие от Лао Вана и Вэнь Цзюэ, Чжэн Хао зашел сюда скорее из любопытства.

— Я пойду, — Чжэн Хао едва заметно кивнул Вэнь Цзюэ, напоследок скользнул взглядом по Лу Циньяню и бесшумно вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Вэнь Цзюэ, однако, остался на месте. Он не двигался, и, похоже, уходить не собирался.

Его лицо было бесстрастным, но за пеленой равнодушия таилось нечто иное.

Лао Ван не обращал на него внимания. Лишь бы не мешал — остальное его не касалось.

— Кха-кха...

Спустя пару минут, когда Вэнь Цзюэ уже собрался было уйти, Лу Циньянь тихо закашлялся и медленно открыл глаза.

Актер замер, так и не сделав шага. С его лица мгновенно исчезли все лишние эмоции.

— Сяо Янь-цзы? — Лао Ван мгновенно подался вперед. — Ты как? Что чувствуешь?

— Я... я в норме... — Лу Циньянь чувствовал, что в горле всё еще саднит, а перед глазами плывут туманные круги, но он через силу улыбнулся, не желая тревожить друга.

— Врешь! Еще как врешь!

Ну вот, опять началось. С самого утра этот «молодой господин Лу» твердил, что он в порядке, пока не свалился без чувств.

И даже сейчас он упрямо стоит на своем. Лао Ван почувствовал, что его терпение на исходе — так и подмывало оставить этого невыносимого мальчишку в покое и дать ему самому расхлебывать последствия своего упрямства.

<http://bllate.org/book/17547/1712894>